

ПРОЯВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ДОКТРИНЫ ПРАВА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

© 2019 г. А. Р. Гильмуллин

Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: Gilmullin_ainur@mail.ru

Поступила в редакцию 08.06.2018 г.

Аннотация. В статье предпринята попытка установить формально-содержательную специфику проявления доктрины права в деятельности органов судебной власти; раскрывается общетеоретическая характеристика и особенности ее исторического значения и роли как источника права. Выявляются современные практико-ориентированные свойства правовой доктрины в контексте принятия правоприменительных актов судебными органами, а также на основании контент-анализа отечественной судебной практики приводятся основные признаки ее проявления.

Отдельно анализируется современная практика проявления доктрины права в международном праве, международной судебной практике, а также значение и роль доктрины права в судебных системах Великобритании и США.

Ключевые слова: доктрина права, судебные органы, источник права, правоприменение, практика, судебный акт, проявление, постановления.

Цитирование: Гильмуллин А.Р. Проявление современной доктрины права в деятельности органов судебной власти // Государство и право. 2019. № 9. С. 140–144.

DOI: 10.31857/S013207690006739-4

MANIFESTATION OF THE MODERN DOCTRINE OF LAW IN THE ACTIVITIES OF THE JUDICIARY

© 2019 A. R. Gilmullin

Kazan (Volga region) Federal University

E-mail: Gilmullin_ainur@mail.ru

Received 08.06.2018

Abstract. The article attempts to establish the formal and substantive specifics of the manifestation of the doctrine of law in the activities of the judiciary; reveals the General theoretical characteristics and features of its historical significance and role as a source of law. Modern practice-oriented properties of the legal doctrine in the context of adoption of law enforcement acts by judicial bodies are revealed, as well as on the basis of content analysis of domestic judicial practice, the main signs of its manifestation are given.

The author analyzes the modern practice of the doctrine of law in international law, international jurisprudence, as well as the importance and role of the doctrine of law in the judicial systems of Great Britain and the United States.

Key words: doctrine of law, judicial bodies, source of law, law enforcement, practice, judicial act, manifestation, resolutions.

For citation: Gilmullin, A.R. (2019). Manifestation of the modern doctrine of law in the activities of the judiciary // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 140–144.

В настоящее время в России правовая доктрина в качестве официального источника права не признается, в то время как на практике доктрина права является важным связующим звеном в правовой системе Российского государства, значительно влияющим на практику и теорию правотворчества, правореализации и правоприменения. В самой правовой доктрине по поводу её ратификации в качестве официальной формы (источника) права зачастую проговариваются антагонистические точки зрения. Выработанного единого мнения по обозначенному вопросу в российской юридической науке и практике пока нет.

Вполне уместно будет процитировать слова французского мыслителя XX в. Р. Давида, который отмечал, что «для тех, кто считается с реальностью и имеет более широкий взгляд, доктрина в наши дни составляет очень важный и весьма жизненный источник права. Эта роль правовой доктрины проявляется в том, что именно доктрина создает словарь и правовые понятия, которыми пользуется законодатель»¹.

Правовая доктрина по своим сущностно-содержательным и функциональным признакам — это научно обоснованная система знаний, обладающая регулятивно-динамическими возможностями. Правовая доктрина отражает явления общественно-политической и государственно-правовой практики, выступает градиентом формирования и развития не только для юридической науки, но и для всей правовой системы и жизни общества и государства. Доктрина права должна совмещать не только теоретические основы и методы, но и практико-ориентированные знания, механизмы и концепции.

Как было отмечено выше, на сегодняшний день правовая доктрина играет важную роль как в законотворческом процессе, так и в области реализации права и правоприменения, однако такое практико-ориентированное значение правовая доктрина имела отнюдь не всегда перманентно. Свое особое значение как формы (источника) права правовая доктрина начала приобретать ещё в Древнем Риме (IV в. до н.э.) в деятельности магистров и преторов в форме эдиктов вследствие ограничения их права конврсировать, упразднить и, более того, издавать новые законы («*praetor ius facere non potest*» — «претор не может творить право»²). В частности, при руководстве судебными процессами они (магистры и преторы) по истечении времени стали приобретать право толковать закон, внося при этом субъективно-произвольные начала в норму закона и изменения в направление развития гражданского права. Указанная функция преторов и магистров являлась отнюдь не злоупотреблением правом (положением), а носила вполне прагматичный характер (так как с естественно-активным развитием общественных, в частности торговых, отношений действующие нормы гражданского права принимали анахроничный характер и переставали соответствовать реалиям своего времени), тем самым придавая эдиктам преторов и магистров существенное значение в правовой системе древнеримской империи. Следовательно, сложившаяся практика толкования закона, не затрагивающая компетентность гражданского законодательства, начинает развиваться и уже на основе эдиктов, устраняющих пробелы в праве и тем самым создающих новый эдикт с новыми положениями закона,

приводит к изменению (исправлению) правовых норм гражданского права, придавая деятельности преторов особую форму правообразования.

Правовая доктрина и на протяжении Средних веков, и в Новое время оставалась официальным источником права, пока место официального источника права не заняли позитивное право (закон) и набирающий вместе с тем силу догматизм в праве.

На сегодняшний день значение доктрины права в системе судебных органов мотивируется по следующим основаниям:

правовая доктрина может выступать первоэлементом методологических предложений и рекомендаций в сложных правореализационных ситуациях (дефекты, коллизии, пробелы в праве и т.д.);

является вектором формирования, совершенствования и модернизации судебных органов. В частности, доктрина права нашла своё воплощение в программном документе, утверждённом Правительством РФ ещё в 2012 г. как федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013—2020 годы»³;

правовая доктрина как рациональная система знаний о праве и государстве представляет собой объединяющий теорию и практику элемент правовой системы государства;

именно судебные органы являются существенным экстраполирующим звеном, способствующим внедрению доктринально-правовых идей и выводов как в судебную практику, так и в юридическую практику в целом;

правовая доктрина предстает как базис при разработках актов и положений, регламентирующих деятельность судебных органов, в частности Кодекс судейской этики, Кодекс этики прокурорского работника РФ, Кодекс профессиональной этики адвоката и т.д.

Известно, что унифицированная судебная практика является основой для стабильной правовой практики и права в целом. Предметом частого обсуждения и дискуссии на уровне общей теории права и на уровне практики является вопрос о признании судебной практики в качестве самостоятельного источника права. Аналогичные вопросы о признании разъяснений Пленума Верховного Суда СССР в качестве источника уголовного права поднимались и в 40-е годы прошлого столетия, но по объективным (идеологическим) и субъективным причинам эти попытки оказались тщетными⁴.

Российская практика проявления правовой доктрины в деятельности судебных органов, на наш взгляд, вполне оправданно демонстрирует применение доктрины права при создании (обосновании, толковании) своих правовых позиций. Согласно современной практике в Российской Федерации судами, системно применяющими доктринально-правовые положения в процессе толкования норм права, являются Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ. Правоприменительные, в частности судебные, акты имеют разные наименования и значения и зависят от вида

¹ Давид Р. Основные правовые системы современности // пер. с фр.; и вступит. ст. В.А. Туманова М., 1988. С. 143.

² Новицкий И.Б. Римское право. 7-е изд., стереотип. М., 2002. С. 23.

³ См.: постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406 (с изм. и доп.) «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013—2020 годы» // СЗ РФ. 2013. № 1, ст. 13.

⁴ См.: Бурдина Е.В. О совершенствовании органов судебного сообщества в контексте укрепления единства судебной системы // Росс. судья. 2014. № 2. С. 24—27.

судебного органа. Проекты постановлений Пленума Верховного Суда РФ, содержащие разъяснения по применению законодательства и по материалам обобщений судебной практики и судебной статистики, перед тем как обрести форму официального документа проходят стадию обсуждения в Научно-консультативном совете при Верховном Суде РФ. Судьями Конституционного Суда РФ являются передовые учёные-юристы, специалисты в конкретных областях права, что само по себе говорит о проявлении доктрины права в судебных актах указанного судебного органа. Решения Конституционного Суда РФ (постановления, заключения, определения) содержат правовые выводы и заключения, основанные на различных методах и формах толкования, изложенные в соответствии с нормами Конституции РФ, основополагающими принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации, а также с правовой политикой государства. Но помимо ориентирования на выводы, методы и аксиомы, сформулированные в рамках доктринально-правовой мысли, в последнее время суды нередко при неопределённых, сложных ситуациях и толкованиях и в качестве обоснования своих правовых позиций стали использовать прямые указания на доктринально обоснованную терминологию и лексику, тем самым усиливая истинность и авторитетность своих правовых позиций. Так, ввиду особой сложности и важности принимаемых решений в связи с необходимостью тщательной, выверенной проработки рассматриваемого дела, а также в связи с весьма значительным влиянием принимаемых решений на всю правовую систему наиболее действенное применение в различных интерпретациях доктрина права испытывает в рамках конституционного судостроительства. В качестве примера и раскрытия практико-ориентированного проявления свойств доктрины права можно на основе контент-анализа рассмотреть решения, принимаемые органами судебной власти.

Так, в одном из своих постановлений Конституционный Суд РФ в связи с необходимостью в ходе рассмотрения дела истолкования понятий «правовая норма» и «нормативно-правовой акт» указал следующее: «Конституция Российской Федерации, закрепляя обязательный характер правовых норм, содержащихся в законах и основанных на них правовых актах органов исполнительной власти, не определяет понятия правовой нормы и нормативного правового акта. В сложившейся *правовой доктрине* и сформированной на ее основе юридической практике, в том числе отраженной в отдельных правовых актах (в частности, в постановлении Государственной Думы от 11 ноября 1996 г. № 781-П ГД «Об обращении в Конституционный Суд Российской Федерации» и Разъяснениях о применении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утвержденных приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 4 мая 2007 г. № 88), под нормативным правовым актом понимается письменный официальный документ, принятый (изданный) в определенной форме правотворческим органом в пределах его компетенции и направленный на установление, изменение или отмену правовых норм, а под правовой нормой — общеобязательное государственное предписание постоянного или временного характера, рассчитанное на многократное применение. С доктринальным пониманием нормативного правового акта в целом согласуются как выраженная на основе ст. 15 (ч. 1 и 3), 90, 105–108 и 125 (ч. 2) Конституции РФ правовая позиция Конституционного Суда РФ, в силу которой нормативный правовой акт — это акт общего действия, адресованный неопределенному кругу лиц, рассчитанный на многократное

применение, который содержит конкретизирующие нормативные предписания, общие правила и является официальным государственным предписанием, обязательным для исполнения (Постановление от 17 ноября 1997 г. № 17-П), так и выводы иных высших судебных органов» (Постановление Конституционного Суда РФ от 31 марта 2015 г. № 6-П).

Но куда чаще судьи Конституционного Суда РФ в рамках института особого мнения (предоставляющего судье Конституционного Суда РФ право при несогласии с решением Суда изложить свое особое мнение)⁵ ссылаются на конкретные доктринально-правовые источники⁶. Причем особое мнение судьи излагается письменно и подлежит обязательному приобщению и опубликованию вместе с решением Конституционного Суда РФ. К тому же указанный институт особого мнения юридически допускается не только в рамках конституционного судопроизводства, но и в рамках уголовно- и гражданско-процессуального права.

Что касается применения правовой доктрины судами общей юрисдикции, то хочется начать с одного из главных по своей значимости и силе судебного акта Верховного Суда РФ — Постановления Пленума Верховного Суда РФ, являющегося обязательным для нижестоящих судов, т.е. фактически имеющего силу обязательного прецедента, в частности постановления Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам, содержащего терминологические разъяснения, рекомендации по вопросам квалификации преступных деяний и т.д., которые имеют большое значение для практики правоприменения судебными, надзорными и следственными органами.

Так, в одном из таких судебных актов суд постановил, что «заключение эксперта по вопросам о содержании норм иностранного права является одним из доказательств по делу (статья 75 АПК РФ). Оценка данного доказательства осуществляется судом в соответствии с правилами главы 7 АПК РФ. При оценке заключения эксперта суд учитывает наличие в нем ссылок на нормы иностранного права, практику их официального толкования и применения, включая разъяснения судебных инстанций, примеры разрешения сходных конфликтных ситуаций, выдержки из *правовой доктрины*»⁷.

⁵ См.: ст. 76 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 28.12.2016 г.) «О Конституционном Суде Российской Федерации».

⁶ См.: постановления Конституционного Суда РФ: от 7 марта 2017 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 401.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А.Е. Певзнера»; от 16 июля 2015 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности положений частей третьей — седьмой статьи 109 и части третьей статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.В. Махина»; от 31 марта 2015 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» и абзаца третьего подпункта 1 пункта 1 статьи 342 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества «Газпром нефть»; от 2 декабря 2013 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 4 Закона Челябинской области «О транспортном налоге» в связи с запросом Законодательного собрания Челябинской области».

⁷ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом».

Помимо практики ВС РФ на правовую доктрину ссылаются и иные суды общей юрисдикции. Например, в Постановлении Президиума Ростовского областного суда⁸ указывается следующее: «Суд первой инстанции при юридической оценке содеянного по ст. 165 УК РФ указал, что виновный в каждом случае причинил потерпевшим имущественный ущерб путем обмана при отсутствии признаков хищения; поскольку договоры купли-продажи заключались добровольно, последствия заключенных договоров купли-продажи осознавались потерпевшими. Обман со стороны С. заключался лишь в передаче им денежных средств не в полном объеме, предусмотренном договором. В то же время при описании преступных деяний суд указал, что, передавая денежные средства потерпевшим именно в качестве займов, С. не сообщал им о своих намерениях завладеть их жилыми помещениями. Таким образом, судом не дана оценка притворности состоявшегося сделки купли-продажи. Относительно эпизода в отношении Г1. и Г. судом при переквалификации содеянного не учтено, что согласно сложившемуся в уголовно-правовой доктрине пониманию безвозмездность как родовой признак хищения толкуется не только как получение имущества без возмещения его эквивалентной стоимости, но и как его получение с недостаточным или так называемым в теории права неравным эквивалентом».

Суд по интеллектуальным правам в одном из своих решений отмечает, что «систематическое толкование нормы международного договора во взаимосвязи с нормами национального законодательства, принятыми значительно позднее (ст. 1248 ГК РФ), не соответствует установленным в доктрине правилам толкования правовых норм, поскольку выявление действительного содержания определенной нормы права (воли законодателя либо сторон международного договора) при систематическом толковании осуществляется путем установления системных связей с правовыми нормами, действовавшими в период принятия анализируемой нормы»⁹.

Что касается международного права, то ещё со времен его основоположника Гуго Гроция международное право признавало правовую доктрину в качестве официального источника права. Более того, именно естественно-правовая доктрина обосновала и дала импульс для развития международного публичного права. Дальнейшее (в первой половине XIX в.) становление правового позитивизма привело в конечном итоге к упадку правовой доктрины, а затем — к пересмотру значенности доктрины в праве¹⁰. На сегодняшний день в международном публичном праве доктрина права является вспомогательным источником права, обращение к которому возможно

лишь в исключительных ситуациях. В частности, как диспозитивный источник права правовая доктрина признается ст. 38 Статута Международного Суда Организации Объединенных Наций, в которой отмечается: «Суд, который обязан решать переданные ему споры на основании международного права, применяет... судебные решения и доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций в качестве вспомогательного средства для определения правовых норм»¹¹, из чего следует, что мировое сообщество в императивной форме закрепило за правовой доктриной роль официального источника права.

Что касается проявления правовой доктрины в практике Европейского Суда по правам человека, то и здесь доктрина права нашла свое отражение в судебных решениях. В одном из постановлений по делу «Перинчек (Perincek) против Швейцарии» прямо отмечается, что «применительно к отрицанию геноцида немецкая *правовая доктрина* открыто признает «ложь Аушвица», под действие статьи 261bis Уголовного кодекса попадает отрицание и других проявлений геноцида»¹². В деле «Кодарча (Codarcea) против Румынии» ЕСПЧ указывает следующее: «Кроме того, отказав в привлечении больницы к гражданской ответственности, национальные суды лишили заявительницу эффективной защиты ее физической неприкосновенности, несмотря на то, что в прецедентной практике высших судов страны и *правовой доктрине* имелись указания на то что на больницы может возлагаться ответственность за действия врачей, состоящих с ними в трудовых отношениях. Заявительница, чье право на компенсацию было признано румынскими судами, не имела средства правовой защиты, позволявшего сделать это право эффективным»¹³.

Для государств системы общего права правовая доктрина также играет роль субсидиарного источника права. В Великобритании к мнениям известных ученых-юристов (в основном прошлого) прибегают, когда статут или судебный прецедент не могут заполнить пробела, возникшего в конкретной правовой ситуации, в частности к работам Блэкстона¹⁴, Коука¹⁵, Фостера¹⁶ и др.¹⁷

Достаточно эмпирическим является подход к применению правовой доктрины в правовой системе США. Так, по

¹¹ Статут Международного Суда ООН. 1945 // Международное публичное право: сб. док. М., 1996. С. 13, 14.

¹² См.: постановление ЕСПЧ от 15 октября 2015 г. «Дело “Перинчек (Perincek) против Швейцарии”» (жалоба № 27510/08). По делу обжалуется привлечение к уголовной ответственности за публичные высказывания, отрицающие правовую характеристику злодеяний, совершенных Османской империей против армянского народа в 1915 г., как «геноцида». По делу допущено нарушение требований ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

¹³ Информация о постановлении ЕСПЧ от 2 июня 2009 г. по делу «Кодарча (Codarcea) против Румынии» (жалоба № 31675/04). По делу обжалуется отсутствие средств, обеспечивающих возмещение вреда, причиненного здоровью вследствие медицинской ошибки, допущенной в государственной больнице, а также нарушение требований ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

¹⁴ См.: Комментарий законов Англии. 1565 г.

¹⁵ См.: Правовые институты Англии. 1628 г.

¹⁶ См.: Решения королевских судов. 1763 г.

¹⁷ См.: Доктринальные источники права // Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева. 3-е изд., доп. и перераб. М., 2007.

⁸ См.: Постановление Президиума Ростовского областного суда от 14 января 2016 г. № 44У-2/2016: приговор: виновный осужден по п. «б» ч. 2 ст. 165 УК РФ за причинение особо крупного имущественного ущерба путем обмана при отсутствии признаков хищения (4 эпизода); ч. 1 ст. 165 УК РФ за причинение имущественного ущерба путем обмана при отсутствии признаков хищения (4 эпизода); оправдан по ч. 4 ст. 159 УК РФ. Постановление: приговор в части осуждения виновного по п. «б» ч. 2 ст. 165 УК РФ (4 эпизода), ч. 1 ст. 165 УК РФ (4 эпизода) отменен, уголовное дело в этой части передано на новое судебное рассмотрение, так как действия осужденного квалифицированы неверно, что привело к назначению несправедливого наказания ввиду его чрезмерной мягкости.

⁹ См.: Решение Суда по интеллектуальным правам от 7 июля 2016 г. по делу № СИП-10/2016.

¹⁰ См.: Гильмуллин А.Р. Правовая доктрина Российской Федерации в контексте судебной реформы: сб. аспирант. науч. работ юрид. фак-та КФУ / под ред. З.Ф. Хусаинова. Казань, 2015. С. 71—84.

мнению М.Ю. Емелина, одним из наиболее эффективных и распространенных механизмов участия доктринальных мнений в решениях Верховного суда США (ВС США) стал институт *Amicus curiae* («друзей суда») ¹⁸. Указанный институт получил официальное фиксирование в Статуте ВС США. На практике имеет значение уровень общественной осведомленности, заинтересованности по рассматриваемому спору: чем выше уровень, тем больше представителей «друзей суда» приглашаются для высказывания своих экспертных заключений и выводов по конкретным вопросам. Согласно современной статистике ВС США вплоть до 90% всех рассмотренных дел принимает с учетом позиций «друзей суда».

* * *

Таким образом, можно по-всякому относиться к происходящим в России правовым процессам и явлениям, но, подводя итог, можно справедливо отметить, что, хотя доктрина права не является официально, законодательно установленным источником права, но при этом, как показывает юридическая и, что самое главное, судебная практика (как российская, так и международная), доктрина права сегодня — это самостоятельный элемент правовой системы государства, научная теория, которая в контексте ее проявления в деятельности органов судебной власти применяется в ситуациях, где имеет место сложная правореализационная ситуация (правовая неопределенность, коллизия, пробел в праве и т.д.); позволяет повысить авторитетность, обоснованность и прозрачность судебных актов; предстает как научно обоснованная идея в форме программного, доктринально-правового документа, содержащего принципы, функции и цели правовой политики государства о формировании, совершенствовании и модернизации судебных органов; сама по себе является значимым фактором наличия научного плюрализма по социальным, экономическим и политическим вопросам государства и права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бурдина Е.В.* О совершенствовании органов судейского сообщества в контексте укрепления единства судебной системы // *Росс. судья.* 2014. № 2. С. 24–27.

¹⁸ См.: *Емелин М.Ю.* Правовая доктрина в системе источников общего права: на основе анализа правовой системы США: дис. ... канд. юрид. наук. Пенза, 2015. С. 125.

Сведения об авторе

ГИЛЬМУЛЛИН Айнур Разифович — кандидат юридических наук, ассистент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета; 420008 Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18

2. *Гильмуллин А.Р.* Правовая доктрина Российской Федерации в контексте судебной реформы: сб. аспирант. науч. работ юрид. фак-та КФУ / под ред. З.Ф. Хусаинова. Казань, 2015. С. 71–84.
3. *Давид Р.* Основные правовые системы современности / пер. с фр. и вступит. ст. В.А. Туманова М., 1988. С. 143.
4. Доктринальные источники права // *Большой юридический словарь* / под ред. А.Я. Сухарева. 3-е изд., доп. и перераб. М., 2007.
5. *Емелин М.Ю.* Правовая доктрина в системе источников общего права: на основе анализа правовой системы США: дис. ... канд. юрид. наук. Пенза, 2015. С. 125.
6. *Новицкий И.Б.* Римское право. 7-е изд., стереотип. М., 2002. С. 23.
7. Статут Международного Суда ООН. 1945 // *Международное публичное право: сб. док.* М., 1996. С. 13, 14.

REFERENCES

1. *Burdina E.V.* On the improvement of the judicial community in the context of strengthening the unity of the judicial system // *Ross. judge.* 2014. No. 2. P. 24–27 (in Russ.).
2. *Gilmullin A.R.* Legal doctrine of the Russian Federation in the context of judicial reform: collection of PhD student. scientific. works of the faculty of law of KFU / ed. by Z.F. Khusainova. Kazan, 2015. P. 71–84 (in Russ.).
3. *David R.* Major legal systems of our time / translated from the French and introductory article V.A. Tumanov. M., 1988. P. 143 (in Russ.).
4. *Doctrinal sources of law* // *Big dictionary of law.* 3th ed., rev. and suppl. M., 2007 (in Russ.).
5. *Emelin M. Yu.* Legal doctrine in the system of common law sources: based on the analysis of the us legal system: dis. ... PhD in Law. Penza, 2015. P. 125 (in Russ.).
6. *Novitsky I.B.* Roman Law. 7th ed., stereotype. M., 2002. P. 23 (in Russ.).
7. Statute of the International Court of justice. 1945 // *Public International Law: coll. of doc.* M., 1996. P. 13, 14 (in Russ.).

Authors' information

GILMULLIN Ainur R. — PhD in Law, assistant of the Department of theory and history of state and law of the faculty of law of Kazan (Volga) Federal University; 18 Kremlevskaya street, 420008 Republic of Tatarstan, Kazan, Russia